

В проникновенной лирике Александра Яшина всегда звучал один из самых дорогих поэту мотивов — привязанность к отчому краю, к земле, где родился и рос, являя удивительную любовь к человеку, вечному труженнику, природе, лесам и птицам.

До последнего удара сердца поэта тревожила мысль о неповторимости жизни, невозможности исправить ошибки, о жажде отплатить добром и вниманием людям, с которыми сталкивала его жизнь.

Потери сердца людям не видны,
А радости стучатся в дверь все реже.
Ни от своей,
Ни от чужой вины
Не отрекаюсь.
А долги все те же.

К1981796

НОВИНИКИ СОВРЕМЕННОСТИ

Александр Яшин

Француз Души

Александр Яшин

**Границы
души**

*Стихи из дневников
Строфы
Лирические записи
Поэмы*

Москва · 1982

Р2
Я96

Составители:
Яшина З. К., Яшина Н. А.

Яшин А. Я.

Я96   **Границы души: Стихи из дневников. Строфы. Лирические записи. Поэмы.— М.: Современник, 1982.— 125 с.— (Новинки «Современника»).**

В сборник вошли стихи, строфы, лирические записи и поэмы, найденные в дневниках поэта и составленные в книгу.

Я $\frac{4702010200 — 309}{M106(03) — 82}$ **КБ — 19 — 12 — 82**

ББК84Р7
Р2

СТИХИ ИЗ ДНЕВНИКОВ

Белый стих

Я вновь почувствовал, что я в плену
все той же властной, безрассудной силы,
воспетой в тысячах поэм,
с которой
я был знаком не раз в былые дни,
которую по простоте душевной
и, верно, по доверчивости к людям
я именем красивым называл.

Она кидалась кровью мне в лицо,
гнала искать нехоженые тропы
и там, наедине, рыдать и петь.
И я, измученный и окрыленный ею,
приниженный и обоготворенный,
о смерти думал,
но и жить хотел.

Теперь, заметив по смятенью сердца
приход напасти старой,
удрученный,
я забиваюсь в угол и молчу
и, как бывало, божеством ее
не называю,
не рифмую с «кровью».

*

Я уезжаю.
Ты тоскуешь,
С душой своей наедине,
Клянешь погоду городскую
И рвешься, тянешься ко мне.

Вернусь — и все идет как было:
Обузу старую несем,
Все — пригляделось,
Все — постыло,
Обоим надоело все.

И я уверился:
Милее
Скитаться в дальней стороне,
Затем что лишь тогда жалеешь
И даже нлачешь обо мне.

1939

Сосна

Под палящим солнцем
У излучинки
Лугового ручейка
Одна
Длинные иголки, словно лучики,
Над землей раскинула сосна.

Польхать хотела густокронная
И светить, как солнце в ясный день.
Но хвоя на ней была зеленая —
Не светилась,
А бросала тень.

И стоит грустна, как изваяние...
А находят люди у нее
Солнцу недоступное сияние
И тепло особое,
Свое.

1939

*

Лось вышел на дорогу.
Никогда
Он не бывал еще на поле боя..
Все было издавна свое, родное:
Кочкастый мох, черничник и вода.
А не было ему нигде покоя.

Недоуменно поглядев вокруг,
Он приподнял копыто и послушал.
Прислушался, переступил..
И вдруг
Волной по телу пробежал испуг,
И лось прижал растрепанные уши.

Как будто сосны падали в бору,
Ломались с треском жидкие верхушки,
Рвались снаряды, надрывались пушки,
Вился воронкой ветер на юру,
Шел бурелом по лиственной опушке..

Немецкий хохот раздался в кустах,
И лось метнулся, яростный и дикий, —
Ему знакомы были рысьи вскрики,
Вгоняющие все живое в страх.
Метнулся лось по зарослям черники

И, словно напорвшись на штыки,
Упал с размаху, выдыхая воздух, —
Колючей проволоки завитки
Ему содрали кожу со щеки
И разорвали розовые ноздри.

Стираль в шипах, как будто на суку,
Повисла на широкой ветке рога.
С ногами спутанными, он с отрога
Скользнул по мху и камням на боку.

Осатанев,
В себя не приходя,
Он вновь вскочил
И, не считаясь с болью,
Шагнул вперед к зеленому заполью..
Но проволока, путь загорюдя,
Ощерившись, вся в шильях и гвоздях,
Задергалась вокруг, как сеть на кольях.

Я это видел.
Сердце облилось
Горячей кровью.
С горечью душевной
Следил я, как сраженье началось,
Как бился лось,
Как утомился лось
И замер, несмирившийся и гневный.

Как он потом зализывал бока,
И круп, и грудь, окрашенные кровью.
Как объявилось в действиях быка
Беспомощное что-то вдруг, коровье...

1942

*

Отчаянное было дело —
В штыки рванулись моряки,
«Ура» взметнулось, загремело.
Все небо искрилось, горело
И рассыпалось на куски.

Немало всяких карнавалов
Я повидал за жизнь свою —
Нигде так небо не играло,
Нигде так много не бывало
Цветных огней, как в том бою.

Строчили в поле пулеметы,
Стальные плавилась стволы,
Но не сдержать морской пехоты —
Что минометы, доты, дзоты! —
Пошли балтийские орлы.

Четыре пункта населенных
За эту ночь оставил враг.
Таких лихих, ожесточенных
Еще не знал он контратак.

Поутру, с солнечным восходом,
С просветом в соснах, в облаках,
Бойцы увидели подходы
К заливу, к милым синим водам...
И кровь на листьях и руках.

Так много вдруг открылось взглядам
Простора, солнца, тишины,
Так был игрив разлет волны
И берегов тепла громада,
Что показалось вдруг: видны
Вдали ограды Ленинграда.

1942

В госпитале

От видений глаз не отвести —
Обдают меня горячим светом...
Ты должна сейчас ко мне войти,
Задержаться не могла в пути,
Чувствую тебя:
Ты близко где-то.

Разве поезд может опоздать,
Если ты торопишься?!
Не может.
Как меня ты будешь называть —
«Чудищем»? «медведем» ли опять?
Целый год с тобой в разлуке прожиг.

Видишь, раны зажили мои,
Как у витязя из русских сказок.
Поднимусь — опять пойду в бой.
Дай мне руки теплые твои,
Не пугайся белизны повязок.

1943

*

Мне надо так глядеть вперед,
Чтоб горы тьмой не застигались,
Чтоб рябь в глазах от тьмы забот
И шум в ушах не замечались.

Чтоб никогда средь бурь и вьюг
Мне не утратить дара слышать
И сердца собственного стук,
И — как в бору деревья дышат.

Мне надо все преодолеть,
Чтоб песня впредь не затихала,
Не замирала б жизнь, а смерть
Чтобы моим бессмертьем стала.

1944

*

Только дождь да ветер за оградой,
Стонет лес, и листья опадают.
Зори над землей меня не радуют,
Золота в садах не замечаю.

Боль в душе тупая, деревянная,
Вспышки гнева — приступы падучей.
Ревность!
Провались ты, окаянная,
Не своди с ума,
Не старь,
Не мучай.

1946

*

Как избавиться от лени?
На душе темно.
Никаких стихотворений
Не пишу давно.

Нету силы, нету воли,
На подъем тяжел.
Как заброшенное поле
Мой рабочий стол.

А уже уходят годы
И не молод я.
Словно перед непогодой,
Тяжело, друзья...

1946

*

Лес. Темно. Скрипят ботинки.
Хвойных лап переполох,
Ни травинки, ни тропинки,
Только ягодник да мох.

Даже пенья птиц не слышно.
Днем иду — как при луне.
Словно я нездешний, лишний
И ничто не радо мне.

Оборвался ельник темный —
День воскрес,
И я стою
Посреди степи огромной
У пшеницы на краю.

Сразу — солнце,
Сразу — вечность,
И с земли и с неба свет,
И такая бесконечность,
И от песен спасу нет!

1948

По дороге

Лес заиндевел, закуржавел,
До луны — белым-бело.
Ветви сосен в тонком кружеве,
Все берлоги замело.

Небо льдистое и синее,
Как полярная вода.
От игольчатого инея
Провисают провода.

А дороженька трескучая,
Как лощеная, гладка,
Вся в раскатах да излучинах
И сверкает, как река.

1948

*

Сине-зеленый,
Издалека
Лес мне казался сплошной стеною,
Где от листвы не отделишь хвою,
Ельник лохматый от сосняка.

А подошел —
И из этой стены
Хвойные выделились породы:
Лиственниц вышки взмыли поодаль,
Светлые сосны стали видны.

И, наконец, различает глаз
Даже орешник
И можжевельник.
Тут уж не просто березник да ельник —
Каждое дерево как напоказ.

Милые, с детства родные края!
Все здесь имеет свою примету..
Каждая елочка тянется к свету,
Ветви раскинув:
— Вот она я!

1948

Пир

Это был знаменитый пир,
Даже для здешних мест,
И если не на весь мир,
То на весь лес.

Так он радушен, русский хмель:
Если уж пить — так пить!
Я рад был каждую сосенку, ель
За стол с собой посадить.

1948

*

Прости меня, любимая, за то,
Что не во всем твоей мечте я равен
И часто, пораженный слепотой,
Хочу того, чего хотеть не вправе.

Прости за страх, что порождал,
За ту
Неровность в нашей жизни, за упреки,
Когда терял я веру в чистоту,
За жесткий голос и за взгляд жестокий.

Прости за то, что не хватало сил
И половину тяжестей
На плечи
Твои, родная, я переложил...
Но, видно, жить я не умею легче.

1948

Перед грозой

За столбами, за трубой железной
Черных туч клубящаяся бездна.
Стайка птиц вдали едва видна.
Непроглядна неба глубина.

Над лугами, нивами, лесами
Тишина, как полог, нависает.
Ветра нет. Открыта настезь дверь.
Солнца нет.
А где луна теперь?

Смотрим в небо, как в трубу колодца.
Вот сейчас все рухнет, оборвется
И пойдет греметь, слепить глаза,
Миру
    мыть голову
                    гроза!

1948

Ствол березы

Вся береза в молодых сережках.
Старый ствол ее в узлах резьбы —
Словно стены вековой избы,
В трещинах,
В волоковых окошках.

Сколько глаз прищуренных и лиц,
Сколько по небу парящих птиц,
Всяких темных пятен, завихрений,
Как проталин на земле весенней.

Крепок ствол —
Поди качни плечом! —
Не уступит дубу нипочем!

1949

*

Много есть хорошего на свете,
Милого и дивного,
О чем,
Месяцами сидя в кабинете,
Даже вспоминать перестаем.

И чего бы, думается, проще —
А ведь даже удивишься вдруг,
Услыхав,
Что есть на свете рощи,
И поля, и лютиковый луг,

Самые всамделишные горы,
Берег моря с галькой и песком...
Есть земля сырая,
По которой
Можно пробежаться босиком.

1955

*

Счастливый дар не на года
Дается
И не в одолжение,
Не для забав и развлечения,
А навсегда —
Со дня рожденья
Для непрерывного труда.

И коль его не сохранить,
С обыденщиной коли слиться —
Не то же ль самое, что спиться?
Кого тем можно удивить?

Жизнь праздная не для меня.
Есть вдохновение в привычке...
Итак:
С сегодняшнего дня
Ни дня без строчки,
Без странички.

1975

*

Старушке, матери своей, на диво
Вчера мы щи сварили из крапивы.
Сегодня над гостями из Москвы
Хохочет вся деревня: каковы!
Вот, дескать, в главном городе живут,
А пищу тоже всякую жуют.

Сколь ни велик был наш авторитет —
Его сегодня и в помине нет.
На что уж мать — а тоже смотрит криво
И всю посуду вымыла брезгливо.
Нам тоже в диво:
Ела же кору!..
Теперь — крапива ей не по нутру.

1958

*

Все к лучшему...
В колхоз доставлен хлеб.
И выдан денежный аванс по книжкам.
Стрекочет в клубе кинопередвижка,
Опять поднялся спрос на ширпотреб.

Пришли бульдозеры в разгар весны
На торфоразработку —
Может статья,

И наши земли за год возродятся,
На севере они совсем истощены.

То в Липове, то в Пермасе шанга́ —
Так здесь зовут картофельную брагу.
Шанга — не пиво,
Но сбивает с шагу
И так же заливает берега.

А я опять готов писать стихи.
Вот только жаль —
Здоровья меньше стало:
Не пью шангу, как пиво пил, бывало,
Да ночью спать мешают петухи.

1958

*

Тянется тропинка
Прямиком на диво —
И низиной топкой,
И сосновой гривой.

А потом с обрыва
Ринется с откоса —
Хорошо, что криво!
Хорошо, что косо!

1958

*

Тишина над рекою,
Над равниною вешней.
Наслаждаюсь покоем
И ходьбою неспешной.

Никаких заседаний,
Среди птиц — сам как птица.
Солнце без опозданий
И встает и садится.

Многослойная хвоя
Укрывает от зноя.
Но в труппе таежной
Мне, как в детстве, тревожно.

Черный сук отгибая,
Чую даже спиною:
Сотни глаз, не моргая,
Наблюдают за мною.

Выжидают,
Гадают,
Не боясь, что обидят:
Все, что думаю, — знают,
Все, что делаю, — видят.

Ну и пусть! Я же дома.
Припадаю к стволу.

Мох хрустит, как солома
В пересохшем овине.

И глаза закрываю,
Ничего знать не знаю.

Эти птицы и звери
Мне-то
С детства знакомы...
Затаились, не верят.
Ну и пусть —
Я же дома!

1958—1967

*

Все земное
                        могучим
Распускается цветом.
Только ивы плакучи
Как зимой,
Так и летом.

На опушке — проселок,
След колхозной трехтонки.
Оклик перепелок
Оглушительно звонки.

И цветы.
Их так много —
Диких, северных, пышных.
Тоже все на дорогу
Словно б из лесу вышли.

Вдруг поднимется ветер...
Но зачем мне все это,
Если нет тебя, нету
И не знаю я — где ты?

Все не в радость, не в диво.
Мир тобой не озвучен.
Знать, поэтому ивы
Даже летом плакучи.

1958—1967

Почему?

Мы с сынком заодно живем —
Вместе думаем, вместе спим,
В рощах воду живую пьем,
Из одной тарелки едим.
Удим рыбу, ищем грибы,
Учим грамоту:
«Мы не рабы!»

Он мне друг
И я ему друг.
Друг без друга мы как без рук.
Хорошо нам вдвоем.
Но к чему
Эти вечные «почему»?

«Почему?»

«Отчего?»

«Зачем?»

Разве нету попроще тем?

Вот над пашнями дождь прошел...

— Хорошо тебе здесь?

— Хорошо.

— Не зайти ли в село?

— Зайдем,

В дом зайдем, молока попьем.

— Стосковался о молоке?

— Почему же дом на замке?

— Чтобы воры не взяли чего.

— Кто ворует? Из-за чего?

— Вот опять ты вопросов тьму...

Ни к чему это.

— Почему?

— Мальчик мой, надо проще жить.

Нам всего не обговорить.

Видишь — бор. А в бору забор.

За заборами гладь озер.

Хочешь, щель найдем, поглядим,

О природе поговорим?

Сыну тоже нравится бор.

— Но зачем же в бору забор?

Почему?

— Опять «почему»...

Сам я многого не пойму.

Сам-то я их задам кому —

Эти вечные «почему»?

В сельском клубе

Они вошли
И сели в три ряда
В заранее намеченном порядке.

Стол под сукном.
Трибуна.
И вода.
По краю сцены — зелень,
Как на грядке.

Поселок майским воздухом дышал,
И в клубе праздник начался весенний.
Но чем шумнее становился зал,
Тем лица их
Бесстрастной
И надменной.

Мы знали всех, сидящих за столом, —
Как говорится, нашенские парни:
Директор леспромхоза,
Агроном,
Начальник почты,
Мастер с сыроварни...

Но к нам они вошли из-за кулис
И — что случилось? —
До смешного строги,
Теперь на нас смотрели
Сверху вниз —
Ни дать ни взять
Всеведущие боги.

*

В каждом доме свое богатство.
И меня господь наградил —
То ли плакать мне, то ли хвастать:
Семерых детей народил.

Их добру учу, не балую.
Но беда, что пошли в отца:
Все рифмуют напропалую
И строчат стишки без конца.

Ситуацию зная эту,
Убеждают:
Мол, чтобы жить —
Надо прозой писать поэту,
Чтоб концы с концами сводить.

Я и сам на эту дорогу
Не однажды хотел ступить,
Но ведь дети и те не могут
Дня без песни-складки прожить.

Не читатели виноваты —
Знай сердечней для них пиши! —
Что пока у нас маловаты
Для поэзии тиражи.

А что трудно —
Время рассудит:
Из моих семерых, как знать,
Может быть, и прозаик будет,
Чтоб родителей поддержать.

1959

*

С сединою да с лысиной
Примириться легко ль!
Много книг недописано —
Это главная боль.

Наши мысли, и чаянья,
И бессильные сны,
И немое отчаянье —
Никому не видны.

А предчувствие страшное
Часто мучает зло:
Может, самое важное —
То, что впрок не пошло?

И напрасно растрчено
Столько сил, столько лет.
Кровью сердца оплачены
Книги те, коих нет.

1959

*

В дни юности ранней
Отдался я слепо
Профессии странной
И даже нелепой.

Смешное влеченье!
И что за мученье —
Писать сочиненья
До отупенья?

Что — счастье?
Что — тленье?
В чем жизни значенье?
И нужно ли людям
Такое служенье?

С большим запозданием,
Как испытанье,
Настал мой период
Исканий, метаний.

С тоской безысходной
Лечу, как с откоса,
В свой мир
Переходных,
Проклятых вопросов.

И труд, коим рано
Увлёкся я слепо,
Мне кажется странным
И даже нелепым.

1959

Новозеро

Вот и я побывал в раю —
Оказалось легко и просто:
В Белозерском лесном краю
Обнаружился Сладкий остров.

Так случилось, что ныне он,
Как заброшенный заповедник,
Не распахан, не заселен
И зверьем покинут последним.

Плоский, будто грибной пирог,
С невысокими берегами.
Заберись — и живи как бог,
Не водись с земными богами.

Многослойная тишина,
Разнотравье и разноцветье...
Да была ль на свете война?
Где, какое оно — лихолетье?

Только крыльев утиных свист,
Только звон зари глухариной,
Небо ясное, воздух чист,
Пахнет рыбою да малиной.

Пусть местами вода мелка,
Но как небо ясное глянет —
Отразятся в ней облака:
Глубже моря озеро станет.

17 июля 1960

*

Костер догорел,
Не шумит уже.
И лес потемнел,
Будто мы в шалаше.

Стало так темно,
Как в кромешной тьме,
Лишь полено одно
Чуть дымит в золе.

Что ж, оставим, пожалуй,
Его,
Не будет пожара:
Полено одно —
Одному полену гореть не дано.

1961

*

Когда все силы на исходе
И стылость осени в крови,
Еще сильнее год от года
Потребность в жертвенной любви.

Чтоб кто-то ждал тебя весь вечер,
Осатаневшего от дел,
Клал руки ласково на плечи,
Отогревал, кормил, жалел...

И хоть уж ясно, что не можешь
Свершить,
О чем всю жизнь мечтал,
Тебе с годами все дороже
Слова признаний и похвал.

1962

*

От кустика да к кустику
по ягодке, по кисточке —
в корзинке полно.
По рыжику, по груздику —
ведро насолено.
По слову, по присловию,
к словцу словцо —
и вот стихотворение,
и книга налицо.
Поэма есть,
и новая
почти завершена —
и жизнь прошла не попусту,
и смерть мне не страшна.

1962

Весенняя болтовня

С зимы о весне мечтаем,
Живем как в волшебном сне,
Болтаем,
Болтаем,
Болтаем
О ростепели, о весне.

А стужа —
Она крепчает,
Все толще на речках лед,
И ветер, свистя, наметает
Сугробы у наших ворот,

До самых высоких окон,
До чердаков,
До крыш.
А до весны далёко,
Далёко —
Не разглядишь.

Деревья сгибают плечи
Под тяжестью снежных глыб,
Клестам пробиваться нечем,
И воздуха нет для рыб.

Солому с сараев срываем,
По норме скоту корма,
И все болтаем,

Болтаем,
Что не навек зима.

А только весна наступит,
Сломает,
Растопит лед —
Вода забурлит, как в ступе,
И тоже
Болтать начнет.

1963

*

Осенью засыпает вода —
Холодна становится и темна.
Много ли из-подо льда
Видит и слышит она?

А ослепнет человек —
Долго ли помнит во мгле
Под ледяною корочкой век
Краски на небе и на земле?

Душа тоже слепнет.
И что ж?
Мутной, как водоем,
Все ей порою вынь да положи
Память о светлом, о былом,
О назначенье своем.

1964

*

В этом поле замерзнуть можно —
Снег по грудь,
Никаких примет,
Бесконечное бездорожье,
Только ветер свистит тревожно,
Только заячий вьется след.

На приволье, а как в неволе..
Если б лыжи!
Но лыжи где?
А кому-то и в этом поле
Хорошо, как рыбе в воде.

1964

Перегрузка

Вся жизнь в перенапряжении,
Порой до потери чувств,
Отрыв от земли,
Кружение,
Снижение, торможение
И, наконец, приземление —
Спуск.

И новое воспламенение,
И новое самосожжение.

Какие нервы выстоят,
Какое здоровье не сдаст? —
Наслаиваются неистово
Волнения пласт на пласт.

Ни у друзей, ни дома,
ни на пиру
Спокойствие не знакомо,
не по нутру.

1964

Границы души

А душа у меня все-таки есть.
И у нее свое зрение, слух и память
и свой сказочно-богатый мир.
Это целая держава,
в которой царит воображение
да желание добра и правды.

Зрение души удивительно —
оно тоньше ультрамикроскопов,
сильнее локаторов.
Душа видит в пространстве
и во времени,
проникает в глубь веков,
заглядывает в самое себя.

И слух у души
совершеннее морских эхолотов —

слышит она музыку вечности,
голоса цветов и трав,
их рост и дыхание.
А память души —
это граничит с чудом...

Берегите душу,
раздвигайте ее границы,
расширяйте ее полезную площадь,
чтобы приблизиться к будущему.

1964

*

И когда,
может быть, впервые
мне стало невыносимо тяжело —
ты меня не поняла.
Ты отвернулась от меня,
не увидела меня
и не пожалела.
И я остался один.
Я должен был бы стерпеть
эту боль и обиду,
смолчать...
Но я не стерпел.
И на этом все кончилось:
я потерял тебя.

1966

Тимониха

Деревни — как сказания,
В длину и ширину.
Уже одни названия
Плотны до основания,
Что сруб —
Бревно к бревну.

Тимониха, Лобаниха,
Тетериха. Печиха —
В них что-то есть от Палеха,
От песни тихой.

И все — по кромке берега
На Сохте неглубокой,
Извилистой, негромкой,
Затянутой осокой.

От этой речки быстрой
Любого мужика
Вводи в Совет министров,
В Политбюро ЦК.

А я живу в Тимонихе
У Васи у Белова.

Там избы, словно бабы, —
Добротны и плотны,

А бабы, словно избы, —
Степенные.

Коли не Колотíловы,
То уж Колоколены:
На песни волокнистые,
На сказы — мастера.

Тимониха, Тимониха,
Домов, наверно, пять.
И некому в Тимонихе
Домов пересчитать.

1966

*

Когда говоришь с другом — помни:
быть может,
это последний разговор с ним,
это последний день его жизни,
последний раз видишь его...
Помни:
завтра может его не быть.
Ты навсегда потеряешь друга.
Спешి любить его,
жалеть и любить.

1967

Прости меня, мама,
прости — что пусто в твоей избе,
а я это вовремя не заметил,
прости — не заметил,
что ноги твои отекли,
что пальцы скрючило от работы.
Прости меня, моя родная земля, —
я рожден здесь для того,
чтобы все видеть
и обо всем рассказать людям..
А я долго на все закрывал глаза.

1967

Снег

С детства,
С самых первых зим
И на весь свой век,
Как Отчизны сладкий дым,
Полюбил я снег.

Полюбил его покой
И буранный вой.
Снег не мертвый,
Он живой —
Вихорь огневой!

У него свое лицо —
Запах, вкус и вид.
Звон морозный бубенцов —
Это снег звенит.

Знает вся моя родня:
Из села
Лыжня
Столбовой дорогой в мир
Стала для меня.

Не о вечности грущу —
На земле мой век!
Все ж, когда умру, —
Прошу:
Схороните в снег,

В его светлой мерзлоте
На Бобришной высоте.

1967

*

Схороните меня
на Бобришном Угоре.

Только на Бобришный.
Там есть
против крыльца
моего охотничьего дома
старая береза
с муравейником —

самое чистое место на земле,
самое дивное и сухое.
В грозы обмывается,
в ветры обдувается.
Отсюда
в детстве съезжали мы с горы,
потом — охотились здесь
на рябчиков и глухарей...
Вот место,
которое я для себя выбрал.
Прошу только сюда:
на Бобришный Угор.

1967

Мухоморы

Из кустов, как с экрана,
Смотрят в очи вселенной
То шатры Чингисхана,
То Василий Блаженный.

Прохожу коридором
По сосновому бору:
Счета нет мухоморам —
Мухомор к мухомору.

А отсюда, бывало,
На телегах, навалом,
Снедь лесную возили —
Пестерей не хватало.

Вдоль борушки-опушки,
Словно девочки в школе,
Бесенились волнушки
С бахромой на подоле.

Табунились маслята,
А по влажному скату
В листьях прятались грузди,
Как зайчата в капусте.

Даже белые были —
Что ни год, в изобилье
Выносила их осень,
Как хлеба на подносе.

А теперь тут заборы
По всему косогору
И одни мухоморы —
Мухомор к мухомору.

Разнородны и яркие,
Как заморские чарки,
Как ковры на паркете,
Как почтовые марки
На зеленом пакете.

Длинноногие франты
В чужеродном наряде.
Наглые оккупанты
На победном параде.

Утренняя почта

Не поземка ночью
Снегу намела —
Утренняя почта
Посреди стола.
Отбираю срочную,
Что душе мила.

Все делю поровну:
Важное — в стопу,
Остальное — в сторону,
Как щепу.

Будто свежая щепа —
Письма по избе,
Но от каждого — тропа
К чьей-нибудь судьбе.

Рубят лес там и тут,
И щепа летит,
И со всех концов идут
Письма, полные обид.

Просят жены и мужья
Укрепить семью.
— А нельзя ль иметь, друзья,
Голову свою?

От влюбленных вороха —
Их не перечеть.
Главным образом в стихах —
Даже рифмы есть!

Открываю в чью-то жизнь
Дверь — рву конверт:
«Поддержи, заступись,
Защити, дай совет!..»
— Добрый дай совет!

Если б сам не писал,
Сам не грешил... —
Я бы кое-что сказал
Им от души!

4 февраля 1968

Академгородок

1

Посреди поселка
Кормятся клесты.
Стелется поземка,
Распустив хвосты, —

Легкими и юркими
Среди снежных груд
Серенькими струйками
Белки бегут.

Прямо под ногами
Мечутся дымками,
Катятся клубками,
Веют ветерками.

За сосновым бором
От берез бело —
То ли это город,
То ли село.

По кромке поселка,
Где институт,
Стелется поземка —
Белки бегут.

6 февраля 1968

2

Редкая погода в городке,
В небе облаков ни лоскутка,
Ветерков вокруг — ни ветерка,
Снег сухой хрустит на холодке.

Улицы как просеки в лесах,
На Морском проспекте — край земли.
Из берез
    жилые корпуса
Выплывают, будто корабли.

Прямо от гостиницы лыжня:
Оттолкнись — и летом по прямой,
Где в вершинах птичья щебетня,
Где живицей пахнет и зимой.

5 февраля 1968

*

Что ж ты спишь, ветер,
Куда глядишь?
Хуже всего на свете
Такая тишь.

Сосны, обессилив
От снежных груд,
Руки опустили,
Спины гнут.

Снег вроде дыма —
Пока летит,
Почти невесом,
А невыносимо
Придавит он.

Обломает ветви у ствола,
Обломает крылья —
Будет роща гола,
Одни будылья.

Обломает ветви,
Того гляди,
Покалечит лес.
Что ж ты медлишь, ветер,
Гряди, гряди!
Нагрянь с небес.

7 февраля 1968

Вязы

К вам иду с верою,
В вашу мощь уверовав...
Не оскорблю ни одного дерева —
Ни на одном не повешусь.

Милые мои вязы,
Вы мне — как братья.
Давайте начнем с азбуки,
Всю жизнь сначала.

В детстве был я огненно-рыжим,
Почти красным.
Как столько прожил
и выжил —
Самому неясно.

А все мне мало,
Мало!

Вы смените листья —
Для вас опять лето.
А со мной —
Раз оголиться,
И моя песня спета.

8 февраля 1968

*

Шелестит, шелестит листва
Надо мной,
Над моей головой.
Точно так — людская молва:
Все о нас,
Обо мне с тобой.

Я один теперь.
Синева,
Да цветы вокруг, да трава..
Разговариваю с тобой —
Сам с собой,
Сам с собой.

Неужель тебя нет?
Неужель
Ничего никогда не узнать?
Подтянуться б,
На цыпочки встать —
Где ты там?..
А листва — как метель.

Ты-то видишь меня или нет?..
Только липы шумят в ответ.

1967

*

Счастливы однолюбы —
Они что единоверы:
Душа не идет на убыль,
Чужды ей полумеры.

Раз навсегда влюбиться —
Это,
    ни мало ни много,
В жизни определиться,
Выбрать свою дорогу.

20 февраля 1968

*

...Подари, боже,
Еще лоскуток
Шагренево́й кожи.

И женщины, женщины
Взгляд влюбленный,
Чуть с сумасшедшинкой
И отрешенный,
Самоотверженный,
Незащищенный.

Еще хоть одну,
С ее миражами,
Большую весну
С журавлями, с ветрами.

С ее полноводьем
И полногрудьем,
С разнопогодьем
И многотрудьем.

Еще сверх счета
Прошу у бога
Одну охоту,
Одну берлогу.

А там и до осени
Недалёко,
До золотоволосой,
До кареюкой,
С поволокой,
С многоголосьем..

А там прихватим зиму
Неукротимо...

1968

*

Так же будут юноши писать
И стихи и прозу,
Так же будут ветры задувать
И трещать морозы.

Все, что пело, будет впредь
Так же петь,
Достигая роста..
Просто можно зареветь —
До того все просто.

Так чего же мне желать
Вкупе со всеми?
Надо просто умирать,
Раз пришло время.

28 апреля 1968

СТРОФЫ

*

Поэзия!.. —
Вряд ли припомню,
Когда это все началось.
Поэзия, как нелегко мне
В голодной деревне жилось!

*

Черный снег и черные грачи,
А вокруг — от неба до земли
Все поет, бульбулькиает, журчит
И курлыкает, как журавли.

*

Десяток лет
И два десятка
Спокойствия и тишины,
А я,
Как та вдова-солдатка,
Все не опомнюсь от войны.

*

Спокойно и ровно
Любить не умею.
Любовь моя —
Словно
Гиля на шею.

*

...Тебе со мной — беда.
Не знаю, будет ли легко,
А скучно — никогда.

*

Когда на улице метель,
В дому особенно уютно,
Приятен свет,
Мягка постель,
И спится сладко,
Беспробудно.

*

Сплю на овчине,
Прикрыт овчиной,
Себя самого
Зову молодчиной.

*

Запой, соловушка, запой
В подлеске
За моей избой.
И пусть поэзия моя
Достойна будет соловья.

*

Ой ты Русь, моя Русь —
Ноша невесомая!
Насмеюсь, наревусь
У себя дома я.

*

Все ушли.
Я опять один.
Только письма да папиросы,
Да все то, что оставил сын...
И все те же вопросы, вопросы.

*

Затянуло пашню,
Словно заводь илом.
День мой, день вчерашний
Мусором забило.

*

Поздней осенью,
Как рогожа,
С эвкалиптов слезает кожа
Дранкой, лентами..
И стволы
Вдруг бесстыдно оголены.

*

Пути поэзии трудны,
И все ж мы за нее в ответе —
Кому-то и стихи нужны,
И я не зря живу на свете.

*

Я не по полу хожу,
Хожу по острому ножу.

*

Всё во имя совести,
Все во имя чести,
Все — от первой повести
До последней песни.

ЛИРИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ

Из дневников

14 ноября 1938 г. Осень — золотых дел мастер.

Декабрь 1939 г. Видел сон: в темном тоннеле метро навстречу поезду вдруг откуда-то вышла запряженная в телегу лошадь. Сворачивать ей было некуда, а поезд шел быстро. Что было дальше — не знаю.

16 августа 1953 г.

Вот и все. И никакой концовки,
Только лес березовый вокруг.

5 октября 1953 г. Поэты! Овладевайте смежными профессиями.

23 мая 1954 г. Ночью, в лесу, все удаляясь, дико, резко, почти как страшный хищник, кричал козел. Кажется, что такой крик должен был бы испугать волков, а для них, наверное, этот крик слаще меду и вина — приманка!

1954 г. Человека сняли с должности. Человек думал: все рухнет, жизнь сломана. А оказывается — ничего подобного. У него есть своя профессия, своя страсть, свое дело в жизни, независимо от должности. /

1955 г. Конечно, история спишет многие из наших недостатков. Наши тридцать с чем-то лет — это миг, так, парок перед вечностью, небольшой отрезок. Но ведь мне жить в этот отрезок. Другого отрезка у меня не будет.

5 мая 1957 г. Зажмурься, но скажи правду!

10 января 1958 г.

Страдание — начало всех начал...

Апрель 1958 г. В жару все лужи, даже самые большие, пересыхают. А роднички, даже маленькие, остаются.

14 июня 1958 г. Пожить бы мне в стране у Берендея...

*** На Руси — свои щуки, свои караси.

18 июня 1958 г. Птицы разговаривают. Есть язык — это ясно, это точно.

24 июня 1958 г.

Хотелось бы лося,
Да не удалось!

11 июля 1958 г. Я убивал, я много убивал. Бывали и промахи и неудачи. Но вспоминаю и горжусь не тем. А днем, когда я в первый раз пощадил птицу, не выстрелил.

*** В лесу хорошо. А на опушку выйти — лучше. Ширь. Река. Провода, опоры-мачты, дорога вдаль. И вся опушка в цветах, словно и они вышли сюда выглянуть, осмотреться. А какое небо, его больше, чем земли, и тоже не пустое. Небо не пусто! И ветер. А что без ветра? Ветер меняет цвета на земле.

*** Трудно дереву умирать. В земле корни, в глубине.

*** Что то есть чарующее в понятиях «начало» и «конец».

16 июля 1958 г. Окно. Надо, чтобы стекло всегда было чистое. Промывайте, протирайте стекла: через окно виден весь мир.

17 октября 1958 г. Меня, быть может, поблагодарят за то, что я не писал обо всем, что вижу. А дочка просит: «Пиши сказки, папа!»

*** Темный день осенний. Даже электролампочка кажется солнышком. Дерево в окне то появится, то исчезнет.

25 ноября 1958 г. Старый бор сгорел, все колоды сгнили. Вырос новый — чистый бор. Сосна к сосне, одна к одной, сосны отражаются в Юг-реке. Чистый, свежий бор — в нем всегда солнце.

*** Хорошо у нас. Но если бы река еще! Без реки красота не та. Потому-то Юг-река ни одной деревни не обошла — извилины, излучины, весь район осветила, исколесила, украсила. Всех ошастливила — никого не обидела.

*** Еще о Юг-реке. Течет светлая, чистая. Пройдут коровы, взмутят воду. Дерево упадет... А она опять чистая, светлая. Ил — оседает, тина — прибивается к берегу. Так и с душой моей: что бы в нее ни попадало наносного — она опять чиста.

13 января 1959 г. У стихов свое «молекулярное» строение.

9 марта 1959 г.

Что есть чистота души?
А совесть?..
Мне бы
Чистоту души сохранить.

6 июля 1959 г.

Какая дорога
До нашего дома —
Ни грязи, ни лома...
Как хорошо, что рядом
Начальник живет.

*** Любовь — как творчество.

12 июля 1959 г. Талантливых людей боимся —
они сразу начинают спорить.

19 августа 1959 г. Паутина — кружок — похо-
жа на срез дерева, на торец.

23 ноября 1959 г. При охоте на медведя, чтобы
не сробеть, необходимо ощущение, что ты главный, а
не он, ты начальник, а не он. Важно, чтобы не показа-
лось тебе, будто ты пришел к нему в кабинет, как под-
чиненный...

23 января 1960 г.

Хорошо, когда не спится
Не от хвори, не от горя,
А от счастья!

15 мая 1960 г. Цветы — в молодости, цветы —
после смерти, а вся жизнь — шипы.

21 мая 1960 г. В сумерках желтые цветы на лесной опушке — будто солнце, прежде чем зайти, оставило свои крапинки.

6 июня 1960 г. В конце улицы стоит дом. Для одних он последний на улице, для других — первый, начало улицы.

13 июля 1960 г. Солнечные дорожки по воде ложатся — для каждого своя, им увиденная, им открытая, — где бы он ни находился.

15 июля 1960 г. Собирается гроза, на сенокосе забегали: туча на сенокосе — лучшая агитация за производительность труда. Туча вытянулась, как трубу к земле опустила, прошла дождем.

23 июля 1960 г. Петухи поют в любую погоду: в хорошую — к дождю, в плохую — к вёдру.

3 августа 1960 г. Рыба, которая срывается с крючка, всегда крупная.

21 февраля 1961 г. Трава не растет — когда ее топчут и когда ее силой тянут вверх.

7 марта 1961 г. Капелек много, а светятся только те, на которые солнце упадет.

*** Весна отапливает лес (как дом).

*** Вокруг огромной сосны и лес кажется кустарником.

*** Вокруг живого дерева — снег растаял, круг проталинки ширится. А вокруг мертвого дерева — сушины — снег не тает. Не замечали?

21 апреля 1961 г. Неправда губит таланты.

4 мая 1961 г. Попробуйте на бумаге передать крик чибиса. Кто слышал — поймет. Так и с войной.

29 июня 1961 г. Поэт — прежде всего личность!

23 декабря 1961 г. Сколько пива — столько и песен.

20 июня 1962 г. Хорошую погоду ждут, плохую переживают.

29 августа 1962 г. Осенью даже воробьи собираются в большие стаи. Наверно, когда-то и они улетали к зиме на юг. Только сейчас никто, и сами они, об этом уже не помнит.

*** Холостяку хорошо иметь в доме собаку или кошку. А еще лучше самовар: с ним вроде как не один сидишь за столом. Самовар — что хороший собеседник.

31 августа 1962 г. Леса еще темны, как город перед рассветом, — огни не зажжены, осень еще не вошла в силу, но первые желтые вершинки деревьев вдоль реки — как первые огоньки перед разливом зари.

4 октября 1962 г. Золотая осень. Лес поредел, притих, словно из него выехали все летние жильцы и обстановку вывезли.

*** Листья опадают. Под каждым деревом свой коврик: под березой — чешуйчато-золотистый, под дубом — ржавый, темно-желтый, под осиной — серо-синий, с металлическим сизоватым оттенком, шерстяной. Долька луны — тоже как листик облетевшей березы.

*** На асфальте тени от деревьев и от палисадника сливаются, и получается богатая замысловатая решетка (барокко, ампир?). Не сравниться палисаднику со своей тенью!

7 июля 1963 г. Перед грозой тревожно. После грозы — ясность и покой.

12 июля 1963 г. Бареточки — 54 клеточки: это лапти!..

*** Муравейники — этакие лесные Дворцы Советов, сотные дома, пирамиды Хеопса.

*** Поразило молчание, с каким упал подстреленный глухарь. Молчание обреченности!

*** Большой стог сена на лугу — уже покой.

18 июля 1963 г. К стихам «Босиком по земле»: Я босиком ходил только в детстве. А мои сверстники до сих пор любят и ходят с весны до осени босиком, и ноги у них целы, только задубели, закалились, отвердели. Я же свои ноги перерезал, изрезал — были гвозди в моих ботинках. И завидую я друзьям, ходившим босиком всю жизнь.

26 августа 1963 г. Рожает в перекладинку: сын — дочь, сын — дочь.

28 ноября 1963 г. Умри, внутренний редактор! Иначе я ничего не напишу. Меня интересует только внутреннее «я».

29 ноября 1963 г. Нет правды и полуправды, правды большой и правды маленькой. Все складывается из маленьких правд.

Неправда — тоже правда, раз она существует?

12 апреля 1965 г. Птица и в клетке не может не петь. Не запоет — погибнет.

*** Дорога из лесу появляется и убегает в лес — кривая, несуразная, как лисий хвост.

*** Просвет в лесу. Просвет в жизни.

6 августа 1965 г. Прозу надо живописать, как стихи!

Апрель 1966 г. Солнце заходит и всходит. Жду утра, жду весны, над рекой, над миром, водополья, раздолья. Хорошо на земле сырой! А я говорил, что жизнь надоела...

Текут, текут весенние потоки — через мостки, перекладыны, преграды, все размывая на своем пути. Размоют! А я говорил, что жизнь надоела...

Всходит! Всходит! Утро ширится. А я говорил, что жизнь надоела...

29 апреля 1966 г.

Ненасытная жадность к природе —
Не предчувствие ли конца своего?

*** А снег-то хрустит! И всегда по-разному. Зимой один скрип — сухой, жесткий. Весной — мягкий, чавкающий. А по заморозку — колющий, режущий, стеклянный.

21 сентября 1967 г. Осень так неправдоподобно красива и тиха, что я то и дело недоверчиво озираюсь: нет ли и тут какого-нибудь очковтирательства...

23 сентября 1967 г. Утром по первому инею очень страшно бывает выходить из теплой избы. С непривычки. А зимой, в мороз, в метель — ничего.

22 мая 1968 г. От стихов, как от боли, никуда уйти не могу.

9 июля 1968 г. Одна часть памяти золотая, другая

серебряная. Все во мне из двух частей: одна старая, другая молодая. Два человека во мне. Крыльцо большое, резное, стоит один человек старый, другой молодой — эти два человека контрастируют, но не противостоят друг другу. Один накопил мудрость. А другой еще только в начале этого накопления...

И так я весь представляю собой как бы два потенциала, полярных. В каждом предмете опять-таки два начала...

Бобришный Угор

1

Как это случилось — я сейчас и сам уже понять не могу. Вдруг представилось, что построить избу в лесу — дело нетрудное. Изба ведь из лесу, деревянная, а лес — вот он, кругом, строевой, сосна к сосне...

Представилось так же, что изба эта на высоком берегу реки мне совершенно необходима: каждое лето я буду сидеть в ней и писать так, как никогда и нигде мне еще не писалось. Это будет рабочий домик поэта. Да что поэта! Я решил, что именно здесь-то и смогу стать настоящим прозаиком! Давно уже задуман и выношен мною большой роман—где же его и писать, как не на Бобришном Угоре, знакомом и родном мне с детства. Даже названия окрестных деревень здесь милы мне: Липово, Блудново, Сторожевая, Скачково, Шолково, Осиново... А пожни какие кругом: Лебяжье, Смеряжиха, Бобриха, Вязовики...

Герои мои сами будут приходить на дом, в гости, это мои земляки, сверстники, бывшие одноклассники: Горчаковы, Коноплевы, Ципишевы, Мишиневы, Поповы, Поникаровы. Залесовы...

Только бы председатель колхоза «пошел мне на встречу»!

А почему бы и не пойти ему навстречу мне, хотя он и не местный, не Вершинин какой-нибудь, а Берсенеv, поведь тоже земляк, тоже вологодский мужик! Не может он не понять, что крутой Бобришный Угор, на котором я в былые годы вместе с одноклассниками продрал не одни штанишки, чтобы убедиться, что земля поката, — что Угор этот влечет меня к себе и поныне, что он моя судьба, что, может быть, именно на нем суждено мне сложить и бранные свои кости...

— Поддержим! Правильное это дело!—сказали мне в райкоме партии и в райисполкоме. — И Берсенеv поддержит...

1962 год. Блаудново

2

Под крутизной Бобришного Угора Юг-река под прямым углом поворачивает на запад. В темной этой излучине постоянно ходят воронки, глубина кажется не постижимой, дно черным и страшным. Да и есть ли оно здесь? Где же и водиться чертям, как не в таком омуте?

Все мои воспоминания о раннем детстве связаны с Бобришным Угором. В омуте, конечно, никто никогда не купался, а мы, ребята, даже близко к нему подходить не решались, но сам Угор был излюбленным местом наших сборищ. Если смотреть на Бобришный Угор со стороны реки, видна на нем среди кустов и сосен почти отвесная песчаная полоса желто-красного цвета. Здесь мы съезжали с Угора вниз, продирая штаны, у кого они были, а то до крови царапая собственное, то самое место. Съезжали смело, с разбегу, вместе с потоком сухого песка и гальки. Мы драли штаны, а дома матери драли нас, но на любви нашей к Бобришному Угору это никак не сказывалось.

Если же стоять на Бобришном Угоре лицом на юг и смотреть с него вниз и вдаль, то перед глазами, прямо на вас, как бы к вам под ноги, течет река, откуда-то издалека, из таинственных лугов и лесов на горизонте, и вправо на запад уходит к Бобришным пожням, к Куданге-реке, к Переволокам и Баданихам (это все названия сенокосов). А слева было озеро Старица — во всю извилистую длину старого русла реки.

Ранней весной, когда речные ивняки и леса еще не густели от зелени, даль просматривалась необозримая, и озера и русло реки со всеми его поворотами видны были на многие километры, даже заречные луга были как на ладони, и до деревни Липово, казалось, рукой подать. То же самое — осенью, когда опала листва и лес так же свертывался, редел, словно его сквозняком продували.

А летом река пряталась в густых прибрежных зарослях да и мелела к тому же, словно в землю уходила, и лес раздавался во все стороны — густой, непроходимый.

1961 год. Москва

3

Когда вставили косяки в проемы окон, показалось, будто картины по избе развесили. Семь окон — семь картин. И все разные. Можно сказать, все направления в живописи представлены. В этой раме, конечно, реализм чистой воды, Левитан. Изгиб реки, берега, заросшие ивняком, тонкие рябинки чуть поодаль от сверкающей на солнце воды, небо, близкое и теплое. Хочется взять удочку и спуститься к заводу, попытаться счастья.

Левее — Шишкин. Сосны в глубине леса, за изгородью. Могучие вершины, освещенные сверху и с боков.

Там где-то рябчики летают. Медведей вообразить трудно — места здесь не такие глухие...

А можно и по-другому здесь все увидеть: каждая сосна—вроде высокой кирпичной трубы с зелеными клубами дыма над ней. Впервые так увидел сосновый лес поэт Александр Романов... И я уже не могу избавиться от этого образа, повторяю его и жалею только, что присвоить не могу, что сам я такого не разглядел. Зато, прочитав эти строчки в стихах Саши Романова: тогда еще совсем молодого паренька, я сразу почувствовал, что имею дело с подлинным поэтом. И мне это приятно: значит, и мне доступно понимание истинной поэзии.

В следующем окне что-то есть от живописи Ван-Гога. Густые мазки зелени и синевы, листьев и неба, земли и воздуха. И все это переливается, подрагивает, течет... Хорошо!

А в этой раме, если хотите, настоящий абстракционизм, только не мертвый, не бесталанный, не плод кабинетных измышлений и конструирований, а тоже рожденный природой, вызванный к жизни самой жизнью и нашим пытливым воображением. Переплетение голых, сухих сучьев, тонких прямых и ломаных линий, соединение геометрии с современной архитектурой: в геометрические очертания ветвей вставлены всевозможные цветные материалы дня — белый пластик плитки глазури, врубелевское стекло, высота и пространство. И все это рядом с окном, во всю его ширину. Всматривайся и создавай для себя любые картины, любые видения, мечтай, рисуй!

1965 год. Переделкино

4

В начале сентября я снова приехал на Бобришный Угор...

Бобришным Угором я сейчас называю не только облюбванное с детства место в лесу над рекой, где теперь стоит мой охотничий дом, но уже и деревню Блудново, в которой я родился, и район, и город Никольск, где началась моя сознательная жизнь, и вообще Родину. Вся Родина моя — Бобришный Угор, поэзия — тоже он. Завершение моей жизни на Бобришном Угоре.

Приехал я по истощному зову родных, по письму матери: «Шура, опять опоздаешь, грибов в этом году невпроворот, прямо ступить некуда. Обабки да беляницы никто и не берет, — не до сушеников, когда грузди пошли. Хоть с колен не вставай. Такого давно не видавали...»

Едва добравшись с аэродрома до деревни, наспех выпив чаю, я схватил корзину и на том же «газике» покатил в свою обитель. Да, грибов было столько, что по моей лесной дороге к Бобришному Угору было как-то неловко, стыдно, страшно ехать. Грибы росли прямо посреди дороги, в колеях, зарастающих травой, под каждым кустом, у каждого пня. Мы их давили, мяли, колеса скользили на них, почти буксовали. Наконец я не выдержал, взмолился: больше не могу, остановите машину, лучше пойдем пешком!..

1967 год. Бобришный Угор

5

Белки бегают у моего дома, и заяц был около моего дома... Значит, и медведь придет, потому что дом стоит в лесу.

Трудно носить воду к моему дому: надо спускаться, скользко. Еще труднее подниматься. Зато половодье не пугает, потому что дом стоит на горе.

1967

Удивительное, окрыляющее душу чувство любви к родной земле, страстное желание ей добра, силы, изобилия порой захватывает меня всего. Хочу всем и каждому из нас счастья. И еще хочу, чтобы ощущение радости и какого-то полета души было доступно каждому человеку, чтобы каждый хоть раз в своей жизни испытал это благородное слияние всего себя с Родиной и уже никогда больше не забывал бы этого животворящего, очистительного святого чувства.

Талая вода

Все большое начинается с малого. Сквозь лед перебежка теней, капелек, пузырьков. Только с горки течет надо льдом. Течет с крыш.

Постепенное нарастание шума. Шум снега, шум леса... Шторм на море. И все нарастает, все начинается с малого. А началось — не остановишь.

Весна придет неизбежно.

За первыми каплями воды под снегом уже чувствуются ростки зелени. Луг заполняется водой, становится озером, заливом.

Так и в поэзии, во всем так

ПОЭМЫ

Ленинградская поэма

Снаряд упал на берегу Невы,
Швырнув осколки о волну взрывную
В чугунную резьбу,
На мостовую.
С подъезда ошарашенные львы
По улице метнулись врассыпную.

Снаряд упал на старый особняк,
И грохнулись пластом кариатиды.
Над грудой пламя вздыбилось как флаг.
Труба печная подняла кулак,
Грозя врагу отмщеньем за обиды.

Точеные обломки балюстрад
На землю полетели, как поленья.
Оборвалось зеркальное свеченье.
Средь мраморных столбов упал снаряд —
И началось в столбах столпотворенье.

Снаряд упал в сугробы, на бульвар —
И снег, как магний, вспыхнул за оградой.
Откуда-то свалился самовар —
С балкончика, наверно?..
И пожар,
Опять пожар.
И новый взрыв снаряда.

В каком часу еще влетит, крутятся,
Кого убьет и где
Кого разбудит?!
С утра из дальнобойных бьют орудий.
Шарахаются бронзовые люди,
Идут живые — не оборотьясь.

* * *

Ольга жила за Балтийским вокзалом.
Были у Ольги отец и мать,
Койка под стеганым одеялом,
Полочка книг,
Со стихами тетрадь.

Все было просто и все по росту —
Как в ленинградских семьях живут:
Выезд с зарей на Васильевский остров
В Педагогический институт,

Летом — прогулки в сосновые чащи,
На поклонение к милым местам,
К волнам морским,
К ручейкам журчащим,
В лес, на простор,
К полевым цветам.

Всюду для Оленьки дом и место:
Взвихрив подола белый дымок,
Уже не дитя,
Еще не невеста,—
Бегала, скинув сандали с ног.

Ольга считала себя счастливой —
Как ей хотелось, так и жила.
В меру удачливой,

В меру красивой,
Неприхотливой и незлобивой,
Всеми любимой в семье была.

Старый отец в рабочей артели
Слесарем был — поднимался чуть свет.
Мать убирала дом и постели
И начинала варить обед.

Братья работали в цехе где-то.
«Счастье — сплеча молотами биты!..»
Ольга писала статьи в газеты —
Ей журналисткой хотелось быть.

И все сбывалось, о чем мечталось.
Не было в мире дружной семьи!

Что от веселой жизни осталось?!
До Ленинграда дошли бои.

* * *

Ольга не сразу стиснула зубы,
Голос не сразу начал грубеть.
Но помрачнели улиц раструбы,
Била тревогу трубная медь.

Кровь холодило с врагом соседство —
По вечерам горел горизонт...
За полчаса распростившись с детством,
Осенью братья ушли на фронт.

Дома остались сестренка Клара,
Старая мать, да отец, и она.
На ноги всех подняла война.
Немцы бросали на город пожары,
Шли в облаках за волной волна.

Ольга в шубейке и в полушалке
Лезла на крыши — дома стеречь,
Взвизгнув, метала вниз «зажигалки»:
Русской твердыни врагу не сжечь!

Строились доты и баррикады,
В сталь одевались улиц углы,
Через решетчатые ограды
Строго глядели стальные стволы.

Вскоре выехал в тыл на Волгу
Педагогический институт...
Ольга осталась.
Решила: «Не долго,
Немцы города не возьмут».

К горлу уже подступала блокада.
Чашу разлуки испив до дна,
С младшей дочерью из Ленинграда
Мать переправилась...
Так было надо.
Ольга осталась с отцом одна.

Сколько тебе в этот день минуло?
Каждый сходил за десяток лет...
В окна дуло и в щели дуло.
Молвила ты:
— Не поеду, нет!

* * *

Зиму эту не позабыть
Всем,
Кто вынес ее, кто выжил:
Больше стали мы жизнь любить,
Больше видеть и больше слышать.

Каждый дом наш окопом был —
Та же сырость
И тот же холод,
В наши жизни не заходил,
Нет,— хозяином был в них голод.

Долго будем после войны
По ночам стонать и метаться,
Долго будут со всей страны
Наши семьи домой съезжаться.

Зиму эту не позабыть.
Через десять лет, через двадцать
К детям в школы будут водить,
Как родных,
Гостей — ленинградцев.

* * *

Жизни теплились в нас
в эти дни не сильнее свечи.
Дистрофия... Цинга...
Ни кровинки, ни света в лице.
Нам побольше смеяться
советовали врачи,
Говорили, что в смехе
не счесть витамина «С».

Мы умели смеяться,
хоть часто бывало невмочь,
Вспоминаю зенитчика...
Осень. Дожди в ноябре.
Одурев от тревог,
он встречал прибалтийскую ночь,
Распевал перед сном:
«Не бомби ты меня на заре...»

Пел, кулак поднимая,
        угрожая врагу,
И в усталых глазах
        догорал иступленный огонь.
Спал он тут же, в палатке,
        на невском сыром берегу
Меж снарядов и гильз,
        положив в изголовье ладонь.

Помню ночь. Только мост,
        да студеная, в масле, волна,
Да узор чугуна,
        и булыжник — гора на горе...
Утром взвыли сирены,
        забилась под мост тишина,
Мы вскочили от сна:
        налетел-таки враг на заре.

Мы умели смеяться,
        и страшен был смех для врага.
Из палатки зенитчик
        шагнул, разминая ладонь,
Вскинул к небу глаза,
        сбросил пакли клочок с сапога,
Встал на пост
        и открыл по фашистским машинам огонь.

Схватка длилась минуты,
        а сталь невтерпеж горяча.
Два иль три самолета
        расчет орудийный подбил...
И зенитчик запел,
        но теперь он не пел, а рычал:
— Я ж тебе говорил:
        «На заре ты меня не бомби!»

Мать за хлебом в магазин ушла,—
Над Невой едва-едва светало,—
И, как часто в эти дни бывало,
По дороге где-то умерла.

Дети оказались взаперти,
Как в гробу, откуда не уйти.
Старшей, Вале, было восемь лет,
Шесть без мала худенькому Толе,
Вадику — четыре-пять, не боле.

Посидели. Начали скучать.
Кулаками стали в дверь стучать.
Захотели скоро есть и пить,
Стали ложками о стулья бить.

Но никто не слышит, не идет,
Словно вымер в доме весь народ.
Инея на стеклах седина —
Улицу не видно из окна.

Вдруг под койкой, как сухой камыш,
Зашуршало что-то...—
Может, мышь?
Вадик ожил, юркнул под кровать,
Крикнул:
— Валя, помоги поймать!

Вылез в паутине до ушей:
В Ленинграде нет давно мышей.

Посмотрела Валя на ребят —
Слезы затуманивают взгляд.
Восемь лет ей.

Взрослая она
И за маму отвечать должна.

День прошел в слезах и уговорах:
— Мама скоро...
Мама будет скоро...

Не раздевшись, забрались в постель —
Одеял и тряпок целый ворох.

Разорвался вдалеке снаряд, |
Вздригнул дом, как будто в бурю сад.
Вадик в бок толкнул тихонько Валю:
— Это что — обстрел или бомбят?

Валя успокоила ребят:
— Спите! Не обстрел и не бомбят.
В нашем доме, в коридоре где-то,
Сундуки передвигают это.

До рассвета не могла заснуть
Валя —
Наревелась, ныла грудь...
До рассвета в стороне реки
С грохотом таскали сундуки...

Утром встала первая с постели:
«Неужели мамы дома нет?»
Дверь толкнула — тишина в ответ.
Братья в слезы:
— Мы еще не ели!..

«Может, наша мама умерла?..» —
Валя побледнела добела,
Валя стала добела бледна,
Зубы сжала —
Взрослая она.

Вдоль по коридору из угла
Ржавая вода ручьем текла,
Собиралась в лужи у порогов,
В комнаты сочилась понемногу,
С лестниц устремлялась водопадом,
Из парадного лилась к оврадам.
Там и тут в суровый этот год
Лопался в домах водопровод,
И не наводнение — н а л е д н е н ь е
Приводило жителей в смятение:
До вторых, до третьих этажей
Доходили ледники уже.

Сетка лифта сквозь зеленый лед
Проступала очертаньем сот.

Ольга проходила коридором,
Ощупью вдоль мокрых стен брела
И затихла:
До нее дошла
Песня вперемежку с разговором.
Песня, вперемежку со слезами,
Детскими звенела голосами,
Пробивалась в коридор сырой,
Как на склон ромашкового луга:
«Три танкиста, три веселых друга —
Экипаж машины боевой».

Страшно в доме слушать песню эту,
Если в нем тепла и хлеба нету...

Ухватившись за косяк дверной,
Оленька впотьмах остановилась.
Вмиг — как взрыв! — квартира огласилась
Криками, слезами, беготней.

Всеми мыслимыми голосами
Закричали дети:
— Мама! Мама!..—
«Сколько их? Наверно, целый рой!..»
— Чьи вы, дети?
— Тетенька, открой!..

...Налетели. Обняли ей плечи...
Разве может сердце человечье
Вынести лепет этот, эти речи?..—
Опустись на землю и кричи!

Толя ухватился за подол,
Шепчет что-то и не плачет Вадик,
Валя тянет девушку за стол
И ей руку гладит, гладит, гладит.

Девушка, чуть дух перевела,
Обхватила головы льняные,
Улыбнулась детям, как могла:
— Дорогие вы мои, родные...
Значит, мама ваша не пришла...

С болью, со слезами на глазах
Раздала ломоть пайка дневного.
(Раздавала, а на сердце страх:
Что оставить для отца больного?)

Рукавички отдала — свои.
Три полена принесла — свои.
Вскипятила чайник:
— Пейте, дети!
Маленькие, милые мои...
Всякие бывают дни на свете:
Потерпите, кончатся бои,
Немец Гитлер нам за все ответит.

А сама стоит едва жива,
А сама не падает едва.
Маленькая, бледная, худая —
Старая она иль молодая?

Толя вдруг припал к ее рукам,
Не по-детски замер в муке долгой...
— Как нам звать тебя?
— Зовите Ольгой.
— Тетенька, ты будешь мамой нам?..
— Нет,— сказала Ольга.— Мамой? Нет.
Мне самой едва семнадцать лет.

* * *

Очень трудно жить,
Голову не опускать,
Отца своего накормить,
Детей чужих приласкать.

Страшней любого врага:
В квартире метет метель...
Если бы не цинга,
Отец бы не слег в постель.

Ольга взяла пиджачок,
Старенький, шерстяной.
Надо сходить на «толчок»
За день —
любой ценой.

Надо отцу найти
Зелени пучок,
Но с километр пути
До улицы, где «толчок».

А километр пройти —
Это что жизнь прожить.

Корку, чтоб есть в пути,
Склянку с водой, чтобы пить,
Ольга взяла и пошла
Рано, с утра,
За вокзал...

Что ей отец пожелал?
Только и мог — простонал.

* * *

В белом тумане двоится город:
За горизонт уплывает сад,
Шпили дворцов в облаках висят,
Купол Исакиевского собора —
Как перевернутый аэростат.

Петр,
от обстрела тесом обшитый,
Кажется, сердится на коне:
— Место мое, как раньше, в огне,
Надо умножить силы защиты.
Разве могу я стоять в стороне?!

Дав шенкеля скакуну в полете,
Он раздвигает мешки с песком,
Немцам грозит литым кулаком:
— Э того города вы не возьмете,
Штык наш германцам зело знаком.

Смотрят со стен глазницы пробоин,
Словно в расщелинах гнезда птиц...
Даже зимою пахнет прибоем.

Вест от Колпина близким боем.
Грозен тяжелый прищур бойниц.

Тихо и гордо в черных бушлатах
Ходят по берегу патрули —
Утренний иней на автоматах.
Тонут шаги в громовых раскатах —
Бьют по противнику корабли.

Адмиралтейство, дворец Растрелли...
Кажется, город в блокаде спит,
Но каждый камень в немца нацелен
И каждый дом о мести кричит.

* * *

На углу «толкучка»,—
Замедлен шаг,—
Это блокадный
Универмаг.

В рваных ватниках матери,
В женских шаях отцы.
Голодные покупатели,
Голодные продавцы.

Нет
Ни мясных, ни молочных,—
Нет рядов никаких.
Всё без весов, с руки,
Но взвешивается точно.
Взвешивает рука —
Покачиваясь —
Наверняка!

Табак продается понюшкой,
Затяжкой —
По рублю.
«Триста рублей осьмушка,
Дешевле не уступлю!»

Граμμαми хлеб, пакетами...
Хлеб и табак в цене —
С серьгами, с самоцветами,
С золотом наравне.

Женщина на чемодане
Мертвым голосом тянет:
— Салфетку и кружева
И котиковую шапку
Меняю на дрова —
На одну охапку.
За бусы и брошки
Хлеба немножко...

Неужели же эта женщина —
В трупных пятнах лицо —
Носила нитки жемчуга
И платиновое кольцо?

Что-то вроде твóрога
Идет за бриллианты:
— Не дерите дорого.
— Мы не спекулянты.

Два волосатых одр? несут
В ржавом ведре жирный суп.
Из какого мяса?..
Из каких круп?..
Его не берут.
— Под суд!
— Под суд!..

Здесь на углу на народе
Медленно, медленно ходим,
Чтоб никого не столкнуть...
Боль распирает грудь.

Ольга по рынку ходила
Медленно с полчаса
И ничего не купила —
Вслушивалась в голоса:

— Товарищ матрос,
Купи папирос!
— Табак, махорка —
Мое почтение! —
И поговорка
Как приложение:
— Кури табак,
Бей фашистских собак!

— Веточка ели — пятнадцать рублей.
Покупайте веточки ели.
На хвойный настой рублей не жалея,
Чтоб десны не заболели!
Соберите иглы в горшок,
Потом
Разотрите иглы медным пестом,
Залейте остывшей водой с кислотой —
Три части воды —
И готов настой.
Через два часа настой процедить.
Полстакана в сутки — можно пить!

— На дуранду меняю рояль...
Очень жаль!
Но делать нечего...

В черную шаль одета,
Доживет ли до вечера
Старушка эта?

У девочки с веснушками
Руки опущены,
Под глазами отеки.
Бледная, испытая
Стоит —

                    святая!

Томик Есенина
Держит рассеянно...

— Веточка ели, пятнадцать рублей...

— Дайте вот эту, позеленей.

Вдруг загрохотало —
Крышу рванул снаряд!
Толпа не побежала
Ни вперед,
Ни назад...
За один Ленинград
Всей Германии мало...

Ольга брела под вечер
Домой по тропкам кривым,
А женщины навстречу
Везли в бидонах воду с Невы,
На них смотрели, понурясь, львы,
Во льду,
В снегу по плечи.

* * *

Красноармеец в огонь идет —
В бою, по снегам, в бездорожье,
Хоть одного врага, да убьет...
А девушка — что она может?

Ждать избавленья да рвы копать?
Ольга копала немало.
Жить в окруженье и не стонать?
Ольга жила, не стонала.

Кровь за страну отдает солдат.
Что отдавала Ольга?..
Хлеба кусок для чужих ребят,
Крохи пайка — и только.

В ЖАКТ управдомом пошла служить —
Все ей казалось мало,
Душу людскую в себе сохранить —
Доблестью не считала.

* * *

В те дни я был в морской пехоте,
Где ветры, снег и сосняки.
На поле боя моряки
Трудились, как на обмолоте.

С высот Прибалтики просторной,
Бушлаты сбросив на бегу,
Они кидались смертью черной
Навстречу лютому врагу.

То незаметно подползали,
Неслышно скатывались в рвы,
То вылетали, словно львы:
По три гранаты в руки брали
И против танков шли «на вы».

Через Кронштадт от Красной Горки
Мы добирались в Ленинград.
С людьми последней черствой коркой
Был поделиться каждый рад.

Смелее, злей, придя обратно,
Кололи немцев, гнали их.
Я тоже прибыл в город ратный
И навестил друзей своих.

* * *

Вхожу в родную квартиру по лестнице ледяной,
В прихожей, где шубы висели, теперь сарай дровяной,
Полено красного дерева,
Другое — мореный дуб.
На лестнице, возле лифта, завернутый в байку труп.

В гостиной, где раньше пахло укропом и резедой,
Где Клара училась гладить, спрыскав платки водой,
Где мать вышивала на шелке музейные лопухи,
Где в праздники у камина читались мои стихи,—
Лежало разбитое кресло,
Стоял разбитый комод,
И лез из горла графина прозрачную свечкой лед.
Нечищенный медный чайник,
Насквозь промерзшая печь,
Семейные фотографии, которые жалко жечь.
И надо всем —

  как хобот, коленчатый, неживой,
Царила труба времянки,
  проржавшей, жестяной.

На деревянной кровати под грудю одеял
Лежал отец.
Как подросток, беспомощен был и мал.
Смотрел он недоуменно,
Он спрашивал нас без слов:
«Откуда взялась сосулька на маятнике часов?»
Ему, наверное, мнилось:
«Пускай часы не идут,
Но смертный-то час настанет — они его отобьют?..»

Притихший, худой и черный,
У черной сырой стены
Лежал он...
И я страшнее еще не знал тишины.

Уже неживой, задубевший,
Но смотрит — еще не мертвец...
Он Клару держал на коленях,
Он Ольги моей отец.

Стою у широкой кровати.
Но что я сделать могу?
Ни слезы, ни витамины не в силах его поднять...
На улицах Ленинграда уже не бывать врагу,
Но и отцу с постели уже никогда не встать.

В последний путь не сможет его проводить семья.
Он в братскую ляжет могилу,
Но так почетней бойцам...
Настанет пора — вернутся с победою сыновья
И монумент гранитный воздвигнут своим отцам.

Его не закроют ни тучи, ни снеговой, ни мгла,
Он заслонит собою все шпили и купола.

* * *

Сразу — лишь смерть в квартиру вошла —
Силы не стало в помине.
Всем она, Ольга, казалось, была —
Только не героиней.

Села, закутавшись, у окна,
Словно у края могилы,
Холодом смертным стена холодна,
А отойти нет силы.

Как она сможет потом рассказать
Маме о времени этом:
Даже родным матерям не понять,
Как было трудно детям.

Утро настало — она одна.
Шуба уже не греет.
Может быть, лучше, если б война
Кончилась поскорее?

Только бы кончилась...
Как-нибудь...
Чтоб отдохнуть, отоспаться,
Явь,
Словно тяжкий сон, отряхнуть,
С матерью повидаться...

Голову в бане горячей промыть,
И обязательно мылом.
Вечером
свет не зажечь — включить!
Чтоб электричество было.

В чистом белье посидеть в тепле
С книгой перед печуркой,
Желтой картошки напечь в золе,
Есть — чтоб хрустела — со шкуркой.

И чтоб была тишина-тишина.
Выспаться, позабыться!..
Будь она проклята, эта война!
Лучше бы не родиться.

Утром соседки к Ольге пришли —
Мы, говорят, ненадолго.
Лица у них не светлее земли,
А улыбаются Ольге.

— Что ты сидишь в сырой конуре
С плесенью и паутиной?
Нынче уже теплей на дворе,
Чем у тебя в гостиной.

Только что трубы сыграли отбой
Двухчасовой тревоги,
И посветлел небосвод голубой,
Повеселели дороги.

Горе твое и твоя печаль
Души и нам тревожат.
Плакать не можешь ты — это жаль,
Ты бы всплакнула все же.

А запирается нехорошо —
С горем на людях легче.
Все-таки девочка ты еще,
Слабы девичьи плечи.

Ольга шагнула к ним. ;
Зарыдав,
За руки их схватила...
Так же вот дети рыдали, когда
Дверь она им открыла.

Может быть, Ольге немного сродни
Женщины эти были?
Может, подругами были они?
С матерью, может, дружили?

Нет, не считались они родней.
Но в опаленном братстве
Все они были одной семьей —
Кровники — ленинградцы.

* * *

Высказываюсь до всхлипа,
                  распахиваюсь до дна:
Ну что мне с собою делать?!
                  Любовь у меня не одна.
Не по одной тоскую,
                  стою как дуб над рекой.
Стыдиться ли мне, таиться ль,
                  смеяться, что я такой?

Елену из Каргополя
                  могу ли себе простить?
Куда послать телеграмму,
                  кого мне о ней спросить?..
Все видится, все мне снится:
                  кружит в степи вороньё..
Люблю потому сильнее,
                  что я потерял ее.

В тяжелые дни блокады,
                  голодный, больной, без сил,
Я девушку Ленинграда,
                  как жизнь свою, полюбил.
Она меня отстояла,
                  когда я горел в огне,—
Люблю, окрыленный и тихий,
                  всем лучшим, что есть во мне.

Продрогшая, восковая,
                  с сухим огоньком в глазах,
Она жила как святая,
                  презревшая смерть и страх.
Она на руках носила
                  отца от стены до стены.
О мире она не просила...
                  Она не хотела войны.

Ей дали топор и заступ —
работала за троих.
Мешали тяжелые косы —
она обрезала их,
Пальто сменила на ватник,
мужские надела штаны,
Цинга ей шатала зубы...
Она не хотела войны.

Народ ей великую веру
и нежное сердце дал —
Такой красоты и силы
я никогда не видал:
У маленькой, хрупкой-хрупкой
учился я жизнь любить,
Учился быть ленинградцем —
врагов ненавидеть и бить.

Стою перед ней на коленях,
товарищам встать велю...
Люблю ленинградскую девушку,
сестру боевую мою.
Пред нею, как перед родиной,
и жизнь и судьбу клоню
И этой любви великой
до смерти не изменю.

* * *

От берега до берега
По льду, через туман,
Как из Америки
Через Ледовитый океан,
От одного материка
До другого материка,
Словно легенда — в века.

С Большой земли, из Отчизны
Пролегла к Ленинграду
Дорога жизни.

Не железная —
Снежная,
Вьюжная, вихревая,
Разметенная,
Прямоезжая,
Автогужевая.
Не в два следа
И не в три следа,
А во всю ширину озерного льда
Через Ладугу,
Будто радуга:
По каждой цветной полосе —
Два, три шоссе.

Не летают вороны,
Не летают сороки,
Только в обе стороны
Во всю ширину дороги,
В оттепель и в морозы,
В клубах снежной пыли,
Идут обозы
Автомобилей.

Словно бы неторопко,
Как муравьи по тропкам,
А приглядишься:
Несутся —
Льды метровые гнутся.

Идут на виду у врага
Весь день, всю ночь до утра.
Идут — нипочем пурга! —
Машины, как буера.

Слава вам, шофера!

С воздуха как ни бомбят,
С берега как ни бьют,—
Этих немых ребят
Немцы с пути не собьют.

Если вблизи от дороги
Пó льду хлестнет снаряд,
Парень свернет немного
И догоняет отряд.

Если машину под лед
Бомба, всплеснув, забьет,
Задняя, прорубь объехав,
Снова вперед идет.

Что б ни случилось на свете,
Грузовики идут,
Хлеб и тепло везут —
Их ленинградские дети,
Смерть отгоняя, ждут.

Вечером все расцвечено:
Фары включаются вечером —
Озеро горит!
Будто подходишь к городу,
Большому, широкоплечему...
А это всё — фонари!

Почти замерзая,
Ходят пикеты,
Небо взрезая,
Взлетают ракеты
С берега где-то,
Над лесом где-то.

И вновь огневой налет,
И стонет ладожский лед,
Обозначается, хряснув, |
Трещины тонкая нить...
С какой неизведанной трассой
Эту дорогу сравнить?

Она идет не на полюс,
Хоть часто в снегу по пояс,
Не к сказочным царствам путь,
Хоть часто в воде по грудь,
И не на тот свет...
Цены той дороге нет!

Всем золотом Лены, Аляски
Не оценить этой трассы.
Идет она, как на луну,
К городу в плену.

Времени минет много,
Переживем тревогу,
Но будем на каждой тризне
Добром поминать дорогу,
Спасшую столько жизней.

* * *

Теплого ветра дошла волна
С моря, со льда залива.
В самое сердце дохнула она —
Кажется, где-то близко весна,
Солнечна, водоречива.

Если б, откуда вдруг ни возьмись,
Голуби налетели —
Как просияла бы наша жизнь:

Первой сосульки мы заждались,
Первой с карниза капли.

Радуюсь я, что даль высока,
Я открываю ворот...

Чувствую, вижу:

весна близка!

Издали к нам плывут облака,
Будто рядами входят войска
В освобожденный город.

1942—1943

Город гнева

Сталинградские эпизоды

Эта работа писалась на кораблях Волжской военной флотилии в августе—сентябре 1942 года, в первый период боев за Сталинград, и в октябре была напечатана во фронтовой газете «Сталинское знамя» и в «Сталинградской правде».

Создание поэмы, достойной грандиозной Сталинградской битвы,—дело времени. Весьма вероятно, что такую поэму напишет человек, не принимавший непосредственного участия в боях за волжскую твердыню, но несомненно, что он в своей работе не сможет обойтись без воспоминаний участников и свидетелей сталинградской эпопеи.

Исходя из этого, я решил сохранить свои эпизоды «Город гнева» как зарисовки, сделанные в ходе великих боев и в какой-то мере отображающие великолепное мужество и стойкость моряков Волжской военной флотилии и бойцов Сталинградского фронта¹.

Автор

1

Они пробилась сквозь наши ряды,
Все предавая огню «для [порядка].
Они дошли до волжской воды
И здесь завязалась новая схватка.

Сгубив десятки своих корпусов,
Фашисты хотели дорогой степною
Пройти, не задерживаясь,

---

¹ Поэма печатается с сокращениями, сделанными автором.
Прим. сост.

Волною.
Но вышла Волга из берегов
И встретила немцев, готовая к бою.

Тогда они,
Вконец озверев,
Метнули на город черные крылья.
Будя в сердцах иступленный гнев,
Выбрасывал неба облачный зев
За эскадрилей эскадрилью.

Фугасные центнеры так рвались,
Как будто падали метеоры.
Деревья с насиженных мест снялись,
Железо и камни летели ввысь,
А люди скрывались в подвалы,
В норы.

Начало было страшным для нас:
Как будто во время землетрясения,
В подъездах, на лестницах свет погас,—
Казалось, нигде не найти спасенья.

Загнав в укрытия мирный народ,
Дворы превращая в сплошные свалки,
Второй и третий сделав заход,
Фашисты стали бросать «зажигалки».

А город — над Волгой,
Под ветром весь,
Он весь — как лента.
И вот под вечер
Сначала с окраин метнулась весть,
Что в комнаты начало пламя лезть,
Что дым придавил тесовые плечи.

Потом лихорадка огня пошла
По центру, по белым дворцам,
По бульварам.
Слепящая, взвихренная метла
Очистила берег реки догола
И все расширяла площадь пожара.

Сгорал тротуар —
Занималась грязь,
Кусты дотлевали —
Песок дымился.
В сады словно осень вдруг ворвалась —
Листва пожелтела.
Зола взвилась:
С началом пожара шторм разразился.

Народ бежал из подвала в подвал,
В овраги, в щели,
Где воздух не жжется.
Казалось, по улицам Волга льется —
Народ за вокзал, пригнувшись, бежал
И, задыхаясь в дыму, ночевал
В водопроводных колодцах.

А немец бросал,
Кружил и бросал,
Долбил, поджигал,
По часам — аккуратно.
Его не пугали детей голоса.
Через четыре немецких часа
Он, нагрузившись, летел обратно.

Стремглав неслась от машин в стороне
Высокая девочка

и ревела.

Она от огня убежать хотела,

Не зная, что пламя несет на спине:
Расшитая кофта на ней горела.

Вот так от рыси олень бежит:
Глаза ему страхом смерти расперло,
Он лес ломает,
Он весь дрожит,
Он с маху берет болот рубежи,
А рысь на хребте у него лежит
И не спеша подбирается к горлу.

Теряя повязки и костыли,
Из бывшей гостиницы «Интуриста»,
Сжав бледные губы,
В поту, в пыли,
Больные и раненые ползли
На Волгу,
                                к воде, от огня,
  на пристань.

Какой-то старик лежал на песке
В рабочей спецовке —
Рыбак или слесарь, —
Кровавая ссадина на виске.
Он крепко зажал булыжник в руке
И, мертвый, к борьбе не терял интереса.

Зенитки стреляли, стволы раскаля,
По тридцать, по сорок минут без умолку
С бульваров изрытых,
С баржи,
С корабля.
И все мостовые —
Нет, вся земля
Была в остывающих рваных осколках.

А город, пригнувшись, переждал,
Когда поредеют над ним самолеты,
Он только со стоном зубы сжимал,—
Так альпинисты снежный обвал
Переживают в расщелинах скал,
Чтоб снова рвануться в небо, в высоты.

Лишь элеватора не могла
Сломить проклятая сила:
С рассветом
Среди обгоревших домов и веток
Он снова из дыма вставал, как скала.

Стоял и сверкал.
А кругом горит.
Стоял он — и страх ему был неведом.
Поднимемся утром, кричим:
«Стоит!
Стоит
И будет стоять до победы!»

2

Очень тяжело вспоминать...
В городе было много света,
В зелень была земля разодета,
Все начинало благоухать
С началом лета.
Даже дома излучали свет...
Трудно поверить, что города нет.

Стоит пред глазами яблонь расцвет.
Трудно поверить, что яблонь нет,
Что все смела огневая волна,
Не ходят моторки на острова,
Что набережная мертва,—
Ведь так недавно была весна...

.....

Широк был май в своем начале —
Терялись берега вдали,
Столбы по заводам торчали,
Деревья из воды росли.

Как шелком шитая ермолка,
Лежал зеленый островок.
Кругом плескалась Волга, Волга,
И парходный плыл дымок.

Чуть виден был рабочий город,
Не нас — его несла река,
Соединением линкоров
Казался он издалека.

Вода на острове густая,
А в ней трава,
А в ней кусты,
И неба заводь голубая,
Плетни и первые цветы.

Вода струила волны света.
И убеждение росло,
Что прав философ из Милета:
Все из воды произошло.

3

Отряд краснофлотцев в триста штыков
По гарнизонной тревоге
За город вышел
Держать врагов
На серой степной дороге,

На выжженных скатах к родной реке,
На пыльных волжских высотах,
Держать на матросском,
На русском штыке
И танки и мотопехоту.

Держать до подхода армейских сил,
Пока есть дыханье и сила,—
Сам Сталин о том морякам говорил,
А Родина благословила.

Сошли с кораблей, лишь день на восход,
И сшиблись с врагом на марше.
Уперся немец — ни взад, ни вперед,
Ни взад, ни вперед и наши.

Окутался дымом степной перевал.
Столкнулись — и вспять ни шагу.
Германец ли наших к холму прижал
Иль наши его к оврагу?

Матросские «клещи»,
Немецкий ли «клин»
Всю линию перекосили?
Стояли:
У них за спиной — Берлин,
У нас за спиной — Россия.

Но день за днем с высоты свинцом
Врага моряки сбивали,
Не раз оцепляли его кольцом
И сами в кольцо попадали.

А той порой, в поту и в пыли,
Из чащ и трупоб еловых
С полковником Гуртьевым к Волге шли
Сибирские звероловы.

Родимцев гвардейские вел полки
От Ахтубы к переправе,
Гороховцы шли — на весу штыки —
К победной гвардейской славе.

И город все ощутимей крепчал,
Упорство его нарастало.
Тогда уже он в бессмертье вступал,
Тогда уже немец страшиться стал
Его площадей и кварталов.

Отряд краснофлотцев в триста штыков,
Не дрогнув в боях ни разу,
Пронес, как знамя, честь моряков,
И поздней осенью с берегов
Его отозвали на базу.

Орлов запыленных встречал адмирал.
Видать, его сердце сжалось:
Он молча шагнул к ним,
Он все уже знал,
Но все-таки вздрогнул, когда увидал,
Что девять их только осталось.

4

В скверике у заводской стены
Столик дощатый,
Толпа народа.
Так же, как в лето далекого года,
Сливаются с гулом идущей войны
Гул голосов,
Дыханье завода.

В полночь, на ощупь, по узким трóпам,
Словно подпольщики, из-за угла
Люди подходят к краю стола.

— Вправо, товарищи!
Здесь окопы.

Справа белеет бумаги лист.
Справа деревья, и легче дышится.
Стихнет на миг, и слышно, как лист
Над головами колыхается.

— Товарищи, где получить патроны?
— Участник царицынской обороны?
— Да! Гончаров.
— Отпускает завод?

Грохот боев нарастает.
Идет
Запись в рабочие батальоны.

* * *

Еще чадил разбитый город,
Багровым пологом накрыт,
А люди среди гранитных плит,
Среди деревьев и заборов
Уже устраивали быт.

Из щелей выползали дети,
В садах белели тут и там
Пеленки мокрые, как сети,
Раскинутые по кустам.

На табуретке у калитки
Осиротевший старичок
Свои немудрые пожитки
В железный прятал сундучок.

Спеша закончить до бомбежки,
Вся до бровей в муке бела,

У обгоревшего стола
Месила женщина лепешки
И тут же на костре пекла.

На выбитом из бочки днище
Кипел семейный самовар.
В него с родного пепелища
Щипцами подносили жар.

А той порой, грозя расплатой
Пришельцам из чужой земли,
Мужчины шли в военкоматы,
Вооружаясь чем могли.

5

Борясь с тоской и обидой,
Впадая порой в забытё,
В отчаянной коловерти
Я видел само бессмертье:
Я русскую девушку видел.
Я не забуду ее.

В руках чемодан маленький,
В ремнях одеяло и валенки.
Не в меру тепло одета —
Чтобы побольше взять:
Платьев на ней штук пять
И шуба поверх жакета.

Она пробиралась на Волгу,
Чтоб перейти реку,
В щелях лежала подолгу,
Ползла, волоча кошелку
С продуктами по песку.

Но вышла на берег
и вздрогнула,
Глянула из-под руки,
С ужасом лоб потрогала:
Не было реки.

Стоном строку эту выстони!
Страшен девичий взгляд:
Раненые на пристани,
А пристани горят.

Дерево располыхалось,
Нефть по воде плыла,
Даже вода, казалось,
Вся в огне была.

Волны огонь качали —
Катеру не подойти.
Раненые кричали,
Но как их теперь спасти?

Девушка смотрит с ужасом:
Вот она — война!
«Вынести хватит ли мужества?..» —
Подумала она.

И бросилась к одному
В черном низком дыму,
Вытащила из пламени,
Лицо отерла ему.

Бросилась к другому,
Перенесла его к дому.
Чтобы жара не палила,
Пальто своим накрыла.

Не помнила, как раздала
Все, что с собой взяла...

Но стали снаряды рваться
В вагонах на пути.
Куда ей теперь деваться?
Решила отойти.

Нет, не за Волгу,— в город,
В город.
Назад.
В дым.
Надвое мир расколот —
Где же быть молодым?

Им надо быть на войне,
В схватке,
В дыму,
В огне.

Девушка с чемоданом
Вышла на бугорок.
Было уже не рано,
Сумрак на Волгу лег.

Если б кто пролил слезы —
Сама бы его уняла.
Просто, легко,
Без позы
Выпрямилась,
Пошла.

Только строга была,
Да чуть бледна была,
Да выше, чем обычно,
Голову несла.

Да, раз шагнув вперед,
Уже не глядела назад.
Резко очерченный рот.
Иссиня-черный взгляд.

И мне
                  никогда
                          не забыть,
Даже у гибели на краю,
Как девушка эта шла,
Как вскинула,
Подняла
Голову свою.
Так люди идут, чтобы победить
Или умереть в бою.

И если немцы меня возьмут
Раненым на краю села
И на расстрел меня поведут,
Я вспомню, как она шла...

Ночь. Не видать ни зги.
Сходит двенадцатый танк с конвейера.
Где-то близко-близко враги.
Кинет «катюша» огненным веером
Смерть через фронт,
И опять ни зги.

Утром,
                  едва занялся рассвет,
С Волги орудия заговорили.
Маршем по улицам
В клубах пыли
К фронту, на вспышки немецких ракет,
Части рабочие проходили.

Падают бомбы со всех сторон —
Не замедляет шаг батальон.
Взрыв листовое железо рвет,
Камни летят —
Батальон идет.

Рухнуло здание с ревом гулким —
Он пробирается переулком.
И отдается в сердце врага
Грохот рабочего сапога.

Кепки снимают бойцы батальона
У обгоревшего милого дома...

— Чей батальон?
— Заводского района.
— Кто ведет?
— Секретарь райкома.

Девушка с пристани подошла
К секретарю райкома:
— Здешняя я.
У вокзала жила.
В городе все мне знакомо.
Аней зовут...
— Ну что ж, становись,
Первой сестрою будешь.

Так начинают военную жизнь
Наши
    русские
        люди.

6

Не было места на берегу,
Не было здания в городе целом,

Где бы ворвавшимся врагу
Смерть в глаза не смотрела.

Били его из груд кирпичей,
Из деревянных развалин,
Из обгоревших русских печей,
Из уцелевших спален.

Городом гнева стал Сталинград.
Каждый боец его — камнем.
Встал, не сгибаясь, русский солдат
Со сжатыми кулаками.

Встал над рекою русский моряк,
Гордый своею славой.
Вправо метнется надменный враг —
Бьет артиллерия справа.

Кинется влево — отпрянет назад:
Колют штыками слева.
Городом гнева стал Сталинград,
Городом нашего гнева.

Мы поклялись стоять до конца.
Видит весь мир — стояли.
Тридцать три рядовых бойца
Семьдесят танков сдержали.

И никогда не забудется, как,
Залитый бензином,
Факелом вспыхнув, какой-то моряк
Прыгнул на вражью машину.

Двадцать суток сидел другой
В черном подбитом танке,
Вел огонь одною рукой
По немцам на полустанке.

Верили:
Сможем врага сдержать,
Родине в том присягали.
Тот, кто не верил,— не мог бы стоять.
Мы до конца стояли.

Глянем на город — душа болит.
Немцам грозим:
— Погодите! —
В саже, в золе, он, родной, стоит,
Молит распятый:
«Мстите!»

Сказано было: ни шагу назад!
За реку нет переправы!..
Городом гнева стал Сталинград,
Городом нашей славы.

7

Больно смотреть, когда не дымят
На берегу заводы,
Изгородь сбита, цветник примят,
Лег костями искалеченный сад,
Будто от непогоды.

Больно, когда из пробитой баржи
Нефть вытекает в Волгу,
К Каспию вспять,
В никуда бежит,
Рыбу сбивая с толку.

Летчики наши на запад пошли.
«Соколы, долетите!»
Наше проклятие понесли.
«Милые, донесите!»

Кто передаст, как рвались на врага
Волжские краснофлотцы?
Как им вода ни была дорога,
Вышли на берег,
В степные лога:
Дальше враг не пробьется.

* * *

Листья осенние шелестят,
Листья хрустят под ногами.
В небе с утра журавли летят
Клиньями,
                                косяками.

Над Сталинградом тяжелый чад,
Страшно над Волгой,
                                душно.

Птицы кричат тоскливо, не в лад,
Путают строй воздушный.

Двигутся, словно вокруг земли,
Семьи под ветром жестоким.
К югу от стужи спешат журавли,
Люди от немцев — к востоку.

Песня людская птичьей грустней,
Слезы не высыхают.
Птицы вернутся домой по весне,
Люди — когда? — не знают.

Долго, до смерти, забыть не смогу
Ветер сырой, осенний,
Крик журавлей
И на берегу
Осиротевшие семьи.

Сжаты были со всех сторон
Осенью наши войска.
С воздуха немец — тысячи тонн,
Спереди, справа и слева он,
Только сзади — река.

С трех сторон,
С четырех сторон
Был окружен батальон.
Верилось немцам, что должен он
Выйти к ним на поклон.

Думалось немцу:
Сейчас у реки
Он батальон возьмет.
А батальон оставил штыки
И зашагал вперед.

Ночь подошла.
Огляделись бойцы:
Лента земли узка.
Метров триста во все концы,
А за спиной — река.

Как на полярной льдине они —
Некуда отступать.
А по степи, куда ни взгляни,
Будто сполохи — огни, огни...
Ночь не придется спать.

Можно еще, покуда темно,
Молча сойти к реке,
Сесть на бревно — не все ли равно! —
И переплыть налегке.

Немец проспится, утро придет —
Что оно принесет?
Утром их и ковер-самолет,
Верно, уже не спасет.

И смельчаки отдыхать не легли,
Утра не стали ждать,
Мелкими группами поползли —
Три человека, пять.

Но поползли вперед, не назад —
Пусть и враги не спят.
По три диска на автомат,
По десяти гранат.

Кажется, их уже нет в живых:
Все разнося в куски,
Кинутся немцы с горок крутых
К ним,
А они — в штыки.

Сблизились с немцами, ближе нельзя —
В сто шагов полоса:
Слышишь, как ходят, по грязи скользя,
Слышишь их голоса.

В полночь вышел боезапас —
Утром не жди добра.
Но подоспели к утру как раз
Волжские катера.

Но подоспели ночью У-2,
С неба летит термит.
Значит, стоит за ними Москва,
Москва за ними стоит.

Вскинули головы и по траве
В глубь ковыльных широт,
Вдаль от Москвы —
Навстречу Москве
Ринулись вперед.

9

Не забудут люди никогда
Тяжкие военные года.

Где-нибудь в ауле, в кишлаке,
На далеком севере в Блуднове,
Трубку сжав в израненной руке
И нахмутив выцветшие брови,

Человек, седой не от годов,
Говорить начнет притихшим детям
О военной славе городов,
О блокадах,
Обо всем на свете.

Скажет гордо медленное:
«Да-а!..
Тяжело и голодно бывало.
Хорошо стояли города,
Вражьей крови пролито немало.

Самолеты шли, как журавли,
Строем, клином, будто на параде.
Неизрытой не было земли.
Мы' одни лишь вынести могли
По две тысячи налетов за день.

В середине заводской трубы
Целый штаб дивизии ютился.

Генералы глохли от стрельбы,
Командарм с бойцами рядом бился.

Пробирались по ночам к врагу
Штурмовые тройки и шестерки.
Таял снег от битв на берегу —
В январе ручьи стекали с горки».

Распахнет тужурку человек,
И блеснет военная награда —
Гордый и немеркнувший вовек
Свет —
«За оборону Сталинграда».

10

Вся земля стоит на трех китах —
Так считали в древности глубокой.
Страны жаркие — на лбах широких,
Ледяные — где-то на хвостах.

Не киты, а бронекатера
До поры, покуда льды не стали,
В стылые свистящие ветра
Волжский город на себе держали.

Всё — от пушек до газет в те дни,
От гранат и мин до шоколада —
Доставляли по ночам они
Воинам былинным Сталинграда.

Днем причалят к яру — не видать:
Ветви дуба и ветлы на башнях.
Но блеснет вечерняя звезда —
И бугрится за кормой вода,
Как земля на черноземных пашнях.

От ракет скрываясь, от луны
И чутьем нащупывая мели,
Словно тени,
С левой стороны
К полыхавшей линии войны
Катера груженные летели.

Если с горок огрызался враг,
Сталь трассирующая визжала,—
Катера не опускали флаг,
Катера отстреливались так,
Что земля гудела и дрожала.

И с крутого яра поутру
Пехотинцы, их в листве заметив,
Удивлялись:
«Неужели эти
Так стегали нынче немчуру?»

* * *

Нынче в Сталинграде тишина.
День пройдет — ни выстрела, ни взрыва.
Как шторма от тихого залива,
Далеко от города война.

Свет мелькнувшего грузовика,
Скрип саней, скользящих за верблюдом,
Дробный стук стального молотка,
Шум деревьев,
Первый рев гудка —
Все воспринимается как чудо.

И, сближая города страны,
Волгу-матушку с Невой-рекою,
Музыкою радиоволны,

Гулом океанского прибоя,
Шумом горных осиянных вод,
Солнечным немеркнущим сияньем,
Как запев былинный, как сказанье,
Над землею русскою растет
Купленное кровью ликование.

Слава всем, кому неведом страх,
Слава непреклонному народу,
Слава — кто с оружием в руках
На полях, в цехах, на рудниках
Защищает дом свой и свободу!

*Волжская военная флотилия
1942—1943*

Содержание

Стихи из дневников

Белый стих	3
«Я уезжаю. Ты тоскуешь...»	4
Сосна	5
«Лось вышел на дорогу...»	6
«Отчаянное было дело...»	8
В госпитале	9
«Мне надо так глядеть вперед...»	10
«Только дождь да ветер за оградой...»	10
«Как избавиться от лени?...»	11
«Лес. Темно. Скрипят ботинки...»	12
По дороге	13
«Сине-зеленый, издалика...»	14
Пир	15
«Прости меня, любимая, за то...»	15
Перед грозой	16
Ствол березы	17
«Много есть хорошего на свете...»	18
«Счастливый дар не на года...»	19
«Старушке, матери своей, на диво...»	20
«Все к лучшему...»	20
«Тянется тропинка...»	21

«Тишина над рекою...»	22
«Все земное могучим...»	23
Почему?	24
В сельском клубе	26
«В каждом доме свое богатство...»	27
«С сединою да с лысиной...»	28
«В дни юности ранней...»	29
Новозеро	30
«Костер догорел...»	31
«Когда все силы на исходе...»	31
«От кустика да к кусту...»	32
Весенняя болтовня	33
«Осенью засыпает вода...»	34
«В этом поле замерзнуть можно...»	35
Перегрузка	35
Границы души	36
«И когда, может быть, впервые...»	37
Тимониха	38
«Когда говоришь с другом — помни...»	39
«Прости меня, мама...»	40
Снег	40
«Схороните меня на Бобришном Угоре...»	41
Мухоморы	42
Утренняя почта	44
Академгородок	45
1. «Посреди поселка...»	45
2. «Редкая погода в городке...»	46
«Что ж ты спишь, ветер...»	47
Вязы	48
«Шелестит, шелестит листва...»	49

«Счастливы однолюбы...»	50
«...Подари, боже...»	50
«Так же будут юноши писать...»	52

Строфы

«Поэзия!..— Вряд ли припомню...»	53
«Черный снег и черные грачи...»	53
«Десяток лет и два десятка...»	53
«Спокойно и ровно...»	54
«...Тебе со мной — беда...»	54
«Когда на улице метель...»	54
«Сплю на овчине...»	54
«Запой, соловушка, запой...»	55
«Ой ты Русь, моя Русь...»	55
«Все ушли. Я опять один...»	55
«Затянуло пашню...»	55
«Поздней осенью, как рогожа...»	56
«Пути поэзии трудны...»	56
«Я не по полу хожу...»	56
«Всё во имя совести...»	56

Лирические записи

Из дневников	57
Бобришный Угор	67
Талая вода	72

Поэмы

Ленинградская поэма	73
Город гнева	100

Александр Яковлевич Яшин

ГРАНИЦЫ ДУШИ

Стихи из дневников

Строфы

Лирические записи

Поэмы

Рецензент Ст. Куняев

Редактор А. Москвитин

Художник М. Шевцов

Художественный редактор В. Покатов

Технический редактор Н. Дедко

Корректор В. Дробышева

ИБ № 2863.

Сдано в набор 24. 05. 82. Подписано к печати 18. 09. 82.
А 13079. Формат 70x90/32. Гарнитура литер. Печать
высокая. Бумага тип. 1. Усл. печ. л. 4,68. Усл. кр.-
отт. 4,95. Уч.-из. л. 4,42. Тираж 20 000 экз. Заказ 2995.
Цена 55 коп.

Издательство «Современник» Государственного ко-
митета РСФСР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли Союза писателей РСФСР
121351, Москва, Г-351, Ярецкая, 4

390012, г. Рязань, ул. Новая, д. 69/12. Рязанская обла-
стная типография.

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Просим Вас отзывы о книге — ее содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении — направлять по адресу:

*121351, Москва, Г—351, Ярецвская, 4
Издательство «Современник»*